

УДК 94 (470.6)

О СОСЛОВНО-ИМУЩЕЙ КАТЕГОРИИ ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII В.

Ахмадов Ш. Б.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ФГОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный

В статье исследуется проблема формирования и развития феодальной сословно-имущественной категории и ее социальная градация в чеченском обществе в XVIII веке. С переселением чеченцев на равнинные и плодородные земли родовые отношения окончательно разрушаются, и на смену семейной общине приходит территориальная община, которая способствует становлению частной собственности. Автор отмечает, что сословные верхи в зависимости от своего этнонационального происхождения, размеров феодальных владений и социального положения занимали по статусу различные ступени на феодально-иерархической лестнице. Чеченские князья, феодалы, владетели, почетные и влиятельные старшины, знатные уздени, богатые люди первой половины XVIII века – это феодальная верхушка чеченского общества.

Ключевые слова: князья, феодалы, старшины, духовенство, купечество, сословие, социальное, крестьяне, общество.

ABOUT THE CLASS – THAT THE CATEGORY OF THE CHECHEN SOCIETY IN THE EIGHTEENTH CENTURY

Ahmadov S. B.

Chechen state pedagogical University, Professor of the Department of ancient history and middle ages the Chechen state University. Grozny

The article examines the problem of formation and development of feudal estates is that the category and its social gradation in Chechen society in the eighteenth century. With the relocation of the Chechens to the plains and fertile lands generic relationship is completely destroyed and replaced family comes to the community, the local community, which contributes to the formation of private property. The author notes that the upper classes of the class depending on their ethnic origin, the size of feudal possessions and social status took on the status of the different steps on the feudal ladder. Chechen princes, lords, rulers, and influential honorary officers, the noble uzden, rich first half of the eighteenth century is feudal elite of the Chechen society.

Keywords: princes, lords, elders, clergy, merchant class, estate, social, peasants, the society.

Проблема развития феодальных и сословных отношений у чеченцев в XVIII веке до сих пор остается самой актуальной и в то же время слабо разработанной в чеченской историографии.

Среди отдельной части местных исследователей и отчасти в российской историографии по Кавказу, к сожалению, до сегодняшнего дня бытует мнение о том, что у чеченцев в прошлом не было сословий, они не знали классового деления и социального расслоения, не имели своих угнетателей, все были равны и свободны и до позднейшего времени сохранили якобы черты первобытной демократии [8].

В трудах российских ученых, писавших в советское время, и отчасти местных исследователей (Б.В. Скитский, А.В. Фадеев, Е.И. Крупнов, Е.Н. Кушева, Н.А. Смирнов, Н.П. Гриценко, Р.Л. Харадзе, И.М. Саидов, Я.С. Вагапов, М.А. Мамакаев, Я.З. Ахмадов, Т.А. Исаева и др.) был подвергнут серьезной критике односторонний подход в истории общественного развития чеченцев и дан обстоятельный анализ данной проблемы,

развенчивающий миф о том, что в прошлом в чеченском обществе якобы не было ни сословного деления, ни социального неравенства, ни социально-классовой борьбы и т.д. [9].

Как известно, еще задолго до начала XVIII века у чеченцев существовала частная собственность на пахотные, пастбищные и сенокосные земли, а также дома, скот и т.д. В горных районах было налицо имущественное неравенство не только между отдельными семьями, но и родами – тайпами. Богатые, имущие семьи и сильные тайпы. В XVIII веке чеченские тайпы являлись пережитками патриархально-родового строя.

С переселением чеченцев на равнинные и плодородные земли родовые отношения окончательно разрушаются – на смену семейной общине приходит территориальная община, которая способствует становлению «частной собственности», а термины «старший в роде», «знатный в роде», «влиятельный в роде», «старшины», «уздени» и другие приобретают чисто социальное значение [2].

Чеченские князья, феодалы, владетели, почетные и влиятельные старшины, знатные уздени, богатые люди, о которых так часто говорят архивные материалы и опубликованные источники первой половины XVIII века, – это не что иное, как феодальная или феодализирующаяся верхушка чеченского общества.

На наш взгляд, вполне правомерны предположения тех исследователей, которые считают, что феодализм в Чечне был значительно ослаблен еще на протяжении XVI–XVII вв. частыми антифеодальными крестьянскими выступлениями, обусловленными конфликтом между развивающимися новыми производительными силами и старыми производственными отношениями [6].

Интенсивное развитие производительных сил было связано, по всей вероятности, с переселением чеченцев на равнины и освоением ими плодородных земель. В этом плане мы разделяем точку зрения известного советского этнографа В.К. Горданова о том, что в результате мощной антифеодальной борьбы, охватившей в XVII веке почти все народы Северного Кавказа, феодализму в Чечне, по-видимому был нанесен сильный удар, чем объясняется последующая слабость феодальной прослойки у чеченцев, по сравнению с соседними горскими народами [5].

Однако часть феодальной прослойки все же в какой-то мере сохранилась в это время в Чечне. Архивные и литературные источники I-ой половины XVIII века говорят о князьях, владетелях, мурзах, беках, старейшинах, узденях, обосновавшихся на территории нынешней Чечни. Некоторые из них были кабардинского, аварского и кумыкского происхождения, и они с помощью царской администрации стремились установить свое господство над чеченским населением. Были случаи, когда чеченцы сами приглашали князей – правителей из соседних краев [6]. В этом случае, по всей вероятности, учитывалось то обстоятельство,

что от феодала-чужака легче можно было избавиться, чем от своего соплеменника, на защиту которого мог стать могущественный род, как это не раз случалось в Чечне. По мнению известного чеченского этнографа И.М. Саидова, выбирать правителей из числа местной знати чеченцы опасались только по той причине, что представители богатой знати, опираясь на своих родственников, могли со временем упрочить свою власть и в дальнейшем не считаться с интересами населения [3].

В XVIII веке уже были князья, феодалы, владетели и т.д. которые брали с подвластных крестьян дань, подать (ясак, бер) и заставляли работать на себя горскую бедноту, то социальное расслоение в чеченском обществе, естественно, произошло еще до указанного времени. Те сословно-социальные отношения, которые мы застаем в Чечне в XVIII в., не были и не могли быть привнесены и насаждены искусственно извне, то есть царскими властями или соседними иноплеменными князьями и феодалами, а сложились прежде всего в результате внутреннего развития местного края. (В XVIII веке в развитии производительных сил Чечни происходят существенные сдвиги.) [2].

Влияние иноплеменных князей и феодалов Турловых, Айдемировых, Каспулатовых, Чапаловых, Бардыхановых и Черкасских распространялось на отдельные равнинные селения и продолжалось до середины XVIII века. В 50-х годах XVIII века подвластные крестьяне чеченских селений, в которых управляли названные выше князья и феодалы, подняли восстание, в результате которого значительная часть князей и феодалов, как местных, так и пришлых, была либо уничтожена, либо изгнана. Позже, во время начала широкого антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в 1785–1791 гг. под руководством шейха Мансура часть князей и феодалов, в основном иноплеменные, была окончательно нейтрализована, и чеченские села перестали быть данниками этих князей и владельцев [3].

Какая же была социально-экономическая обстановка в Чечне в первой половине XVIII в? Так, в первой четверти XVIII в. Эндерийские (кумыкские) князья Айдемир и Мусал Чапаловы имели в своем подчинении часть чеченского узденства. Еще в середине XVIII в. кабардинский князь Девлетгирей Черкасский владел чеченскими селениями Шали и Герменчук, а кумыкские князья Арасланбек Айдемиров, Алибек и Алисултан Каспулатовы владели селениями Атаги и Чечен-аул. В документах, относящихся к 1760–1770 гг., в числе других владельцев называются чеченские владетели Чопал Турлов (сел. Алды) и Мамакай Гиреев (урочище Качкалык), которые имели подвластных крестьян. Селение чеченского владельца Расланбека Айдемирова находилось во владении князя Турлова и называлось Качкалык. Второй владелец Мамакай Гиреев, живший в урочище Качкалык, просил у

Кизлярского коменданта защиты от Андреевских (Эндерийских) владельцев, притязавших в это время на его пахотные и сенокосные земли [2].

В чеченском обществе в рассматриваемое время архивные документы часто называют такую социально-имущественную прослойку, как «старшины», которые находились, по-видимому, на второй ступеньке сословной лестницы после князей и феодалов. Как правило, все старшины чеченских сел были местные, чеченского происхождения. Важно отметить, что часть старшин не только равнинной, но и горной части Чечни находилась в вассальной зависимости от местных князей и владельцев. Так, в письме алдынских (с. Алды) старшин Оды, Нукая, Чупана, Батая и Минбулата на имя кизлярского коменданта Н. А. Потапова от 21 июля 1764 г. сообщалось, что все находятся «в подвласти Девлетгирея Черкасского...» [9].

В контексте вышеизложенного небезынтересно будет отметить, что в Чечне после начала движения горцев под руководством шейха Мансура в 1785–1791 гг. число иноплеменных князей и феодалов резко уменьшилось, и они более не фигурируют в документальных источниках, но зато в последующем их место в чеченском обществе занимают не уступающие по своему статусу пришлым князьям и феодалам чеченские старшины.

В рассматриваемое время в чеченском обществе наиболее прочное место в сословной иерархической лестнице занимала также социально-имущественная категория «уздени» («обзда нах» – чеч.), которые стояли на третьей ступени градации, т. е. после князей (феодалов) и старшин и составляли две категории: уздени знатные, но зависимые от крупных владельцев и князей, и уздени знатные, но независимые. В конкретно-исторической среде своего бытования социальное значение термина «узден» менялось. Однако при всем этом в Чечне «узден» – это состоятельный и влиятельный человек. Не случайно князья и владельцы стремились опереться на чеченских узденей, которые пользовались в обществе большим влиянием вследствие своего имущественного положения. Так, известный генерал – майор, князь Эльмурза Черкасский в своей реляции на имя Кизлярского коменданта генерал-лейтенанта Девица от 22 февраля 1749 г. прямо указывал, что «всегда чеченская деревня силу имеет узденями...» [10]

Документальные материалы за 1749–1751 гг. сообщают о том, что известный чеченский владелец Алибек Казбулатов имел узденей Мурзакаю Сунгурова, Казыхана Казылева, Али – Исхана Бискаева, Юнуса Челчика; князь Мудар имел узденя Амирхана Акаева; чеченский владелец Расланбек Айдемиров имел узденей Абата Ильясова, Абата Козши, Махмуда Замицуева и Актулу Турлова. Эти же документы сообщают о том, что другой влиятельный чеченский владелец Герменчуковской деревни Девлетгирей

Черкасский имел при себе знатных узденей Кулая Бамата и Бамата Чоматова. Феодалным владельцам в плоскостной Чечне служили также уздени из числа горных чеченцев. Так, житель горной Чечни Шамурза Тамарзоев из знатной фамилии (рода) Цонторлы (Цонтарой) являлся узденем землевладельца – феодала плоскостной Чечни Арасланбека Айдемирова и находился в вассальной зависимости от него [11].

Другой документ за 1755 год сообщает сведения о том, как один из знатных мичкизцев (чеченцев) по имени Юсуп, проживавший в Чечне, был одновременно узденем Брагунской владелицы Кичи – беки. Уздень Юсуп имел свой личный двор в деревне Брагунской. В 70 – 80 годах XVIII века во многих чеченских обществах усиливается роль знатных узденей, приобретших такие же сословные права и преимущества, что и владельцы и князья. Царская администрация на Кавказе поддерживала со знатными и богатыми узденями такие же контакты, что и с князьями и владельцами, и при случае не упускала возможности приласкать местную верхушку деньгами или подарками.

В письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Расланбека Айдемирова от 26 августа 1762 г. называются имена старых узденей и их аманатов от подвластных им селений, а также имена новых узденей и их аманатов. В числе таких узденей называются: сын муллы из сел. Алды – Адаев; уздень из сел. Чечен – аул – Чабаев; уздень Булат – хана – брат владельца Ахлова; сыновья узденей Ногай – мурзы и узденя АджиханаХасаева из сел. Чечен – аул; уздень Амрад Хамзиев из сел. Топли; сын узденя Нагамурзы из той же фамилии (рода), а также дети узденя Мурзакая [12].

В языке чеченцев на сегодняшний день присутствует и такой сословно-социальной термин, как «чанка». «Чанкой» назывался у горцев в XVIII веке владельческий сын, рожденный от брака с незнатной женщиной. По своему социально-имущественному положению «чанка» находился ближе к князьям и владельцам. В одном из документов за 1771 год сообщается о том, как житель Девлетгиреевской деревни (ныне сел. Старый Юрт) чанкаБоташ Исмаилов вместе с другими проводниками из числа знатных чеченских владельцев и старшин сопровождал экспедицию царских войск во владения карабулаков и осетинского старшины и его сына Дударуко с целью приведения их к присяге. ЧанкеБоташуИсмаилову из Девлетгиреевской деревни, – повествует документ, – за участие его в качестве проводника администрации к месту обитания карабулаков и осетин было отпущено властями в качестве поощрения 23 рубля, а узденю Байзе из чеченской деревни (по-видимому, сел. Чечен-аул) за то же самое – 20 рублей [1].

В сословную верхушку, безусловно, входила и местная мусульманская знать в лице мулл, кадиев и муфтиев, которая к тому времени была еще сравнительно малочисленной. Трудно сказать, был ли в каждом чеченском селении в горах и на равнине мулла или кадий,

или они имелись только в больших селах. Однако известно, что мусульманское духовенство в этот период было далеко не однородным. По всей вероятности, некоторые сельские муллы и кадии обладали земельными и сенокосными угодьями. Так, сельские мечети в Чечне имели свои земли, называемые «вакуфными». Ими распоряжались кадии и муллы и доход, получаемый с них, использовался для нужд мечети. Десятая часть от сбора урожая крестьянина в виде дохода от «закята» также поступала в мечеть. Муллы и кадии получали различные подарки, подношения или вознаграждения во время мусульманских праздников, свадеб, при заключении брака по шариату, при разделе имущества семьи, при похоронах и т.д. [4].

Со второй половины XVIII века в Чечне параллельно меновой торговле все большую роль приобретает денежная торговля местных жителей с российскими купцами и соседними народами, вследствие которой в чеченском обществе складывается другая, весьма влиятельная социально-имущественная категория – купечество, крупные торговцы, купцы (совдегар – чеч.). Документы этого времени сообщают о том, что чеченцы приезжали для торговли с казаками и русским населением на р. Терек, имея при себе целые обозы товаров. Так, например, согласно источнику в 1751 г. царские власти не разрешили проезд к казакам для продажи своих товаров чеченцу из с. Алды Цуканию Кичиеву с 20-ю арбами. Необходимость сбывать свои товары была для чеченцев настолько острой, что они огромным количеством обозов «толпились на берегу р. Терека у русской границы». Власти вынуждены были даже сдерживать их натиск вооруженной силой, и временами представителям царской администрации приходилось «ехать с казаками на ту сторону реки и всех отбивать прочь» [4]. Таких богатых людей, как упомянутый торговец Цуканий Кичиев с двумя десятками арб товаров, в Чечне уже было немало. Этот слой населения так же, как широкие народные массы, не мог быть доволен существующими феодальными и административными препонами на пути своей деятельности.

Из всего сказанного можно резюмировать, что в указанный период в чеченском обществе сформировались категории социально – имущих сословных верхов (эксплуататоров) в лице князей, феодалов (владельцев), старшин, богатых узденей, чанков, торговцев (купечество), духовенства и т.д. В то же время в обществе сохранялась богатая часть узденей, которая продолжала еще находиться в вассальной зависимости от крупных и влиятельных князей и феодалов. Сословные верхи в зависимости от своего происхождения, размеров владения и положения, занимали различные места на феодальной иерархической лестнице чеченского общества.

Список литературы

1. АВПР. Ф. Сношения России с Грузией. Оп.110 /2. Д. 7. Л. 424.
2. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). Грозный, 1979. С. 51.
3. Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С.69.
4. Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. Грозный, 2012. С. 191.
5. Выступление официального оппонента докт. ист. наук, профессора В. К. Гарданова на защите кандидатской диссертации Умарова С.Ц. «Средневековая материальная культура горной Чечни (13–17 вв.) 23 апреля 1971, г. Москва.
6. Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9, ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 56.
7. Саидов И. М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // АЭС, т. 2, Грозный, 1968. С. 275–276.
8. Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. История. Грозный, 1959. С. 157.
9. ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3272. Л. 56.
10. ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3755. Л. 83 об.
11. ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3466. Л. 50.
12. ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3318. Л. 191-191 об.

Рецензенты:

Эльбуздукаева Т.У., д.и.н., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ГБУК «Национальный музей ЧР», г. Грозный;

Осмаев А.Д., д.и.н., профессор, заместитель директора по науке ФГБУН «Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН», г. Грозный.